

греческого населения острова, дав новый импульс его экономическому и культурному развитию (р. 204). Рассматривая историю Кипра середины X—XI в., К. Киррис, однако, уделяет внимание только развитию культуры и искусства и почти не останавливается на социально-экономических и политических проблемах этого времени.

Освещая период 1042—1191 гг., К. Киррис выделяет три события, имевших, по его мнению, определяющее значение: перенесение столицы из Констанции в Никосию, предоставление венецианцам широких торговых привилегий (1148 г.), самостоятельное правление Исаака Комнина, подготовившее окончательное отделение Кипра от Византии и завоевание его крестоносцами (р. 209—211). С 1191 г. начинается качественно новая фаза в истории Кипра — период франкократии. Исследователю явно в преувеличенном виде представляется «персоналистскую» сторону события. Причина завоевания острова крестоносцами, с точки зрения К. Кирриса, — «близорукость» Исаака Комнина, который изолировал Кипр от «действительно национального государства» (р. 221—222). Историк не учитывает того факта, что завоевание Кипра Ричардом Львиное Сердце и возникновение государства Лузиньянов было прежде всего следствием значительного ослабления Византийской империи в конце XII—начале XIII в., длительного процесса феодальной децентрализации, общего для всего Византийского государства.

В главе «Период Лузиньянов в 1192—1489 гг.» К. Киррис затрагивает многие проблемы социального, административного и церковного устройства на Кипре, статуса и роли там православной церкви, значения острова для крестоносцев и участия государства Лузиньянов в крестовых походах. Эпоху Лузиньянов он характеризует как период «эксплуатации и угнетения коренного греческого населения, которое должно было вести длительную борьбу за физическое, национальное, религиозное и культурное выживание против не столь многочисленных, но обладавших военной, социальной, политической властью новых господ» (р. 212—213). В истории Кипра этой эпохи исследователя интересуют главным образом процессы внутреннего развития, жизнь греческого населения в условиях правления королей иностранной династии, внутренняя политика Лузиньянов.

Выгодное географическое и военно-стратегическое положение Кипра признавалось всегда — вплоть до наших дней. Для крестоносцев остров превратился в основной опорный пункт в Восточном Средиземноморье, сделался главным местом их сбора, снабжения войск продовольствием и всем необходимым. Государство Лузиньянов всегда было прямо или

косвенно вовлечено в крестовые походы. Как указывает К. Киррис, Кипр стал мостом, соединяющим Восток и Запад (р. 217—227). Однако, по его мнению, не следует видеть в Кипре только военный плацдарм, с которого велось наступление крестоносцев. Напротив, Лузиньяны, столкнувшись со столь сильным врагом, как мамлюки, быстро поняли необходимость сосуществования со своими мусульманскими соседями (р. 223), ибо это давало возможность укрепить королевство, стабилизировать положение самих латинян на Кипре и усилить их власть над местным населением, стимулировало развитие городов и торговли, что было выгодно не только кипрским латинянам, но и всему средиземноморскому купечеству. Постепенно Кипр становится важнейшим транзитным торговым центром Восточного Средиземноморья и со второй половины XIII—начала XIV в. все более служит коммерческим целям европейцев (р. 226).

К. Киррис считает, что в XIII—начале XIV в. на Кипре сохранялся греческое купечество, хотя предоставление Лузиньянами торговых привилегий итальянцам и наплыв западноевропейских иммигрантов-горожан нанесли существенный ущерб интересам кипрского «среднего класса», привели к ущемлению и отмене его привилегий, дарованных прежде (р. 212, 215). Увеличение численности греческого бюргерства наблюдается, по мнению автора, в конце XIV—начале XV в., когда усиливается его влияние в социально-экономической жизни острова, что подтверждается переводом на кипрский диалект «Ассиз суда горожан» (р. 237). Заметим, что представление историка об увеличении численности греческого купечества в конце XIV—начале XV в. за счет включения в этот класс пернериариев и освобожденных сервов (р. 237) не подтверждено данными источников. В конце XIV в. на Кипре обозначается тенденция к сближению латинского и греческого населения. Причину такого сближения К. Киррис связывает с сильным влиянием Византии в области культуры, с непрерывными контактами кипрской православной церкви с Византией, сохранением византийских традиций, обрядов и литургии в XIV—XV вв. (р. 231—232).

Книга К. Кирриса, хотя в ней налицо отдельные спорные суждения, является важным вкладом в изучение истории Кипра, она подводит итог многочисленным и плодотворным изысканиям автора, содержит обширную библиографию. Эта работа может служить ценным руководством для всех интересующихся историей острова и отражает достижения кипрской историографии за последнее десятилетие.

Близнюк С. В.

Déscarreaux Jean. Byzance ou l'autre Rome. P.: Les éditions du Cerf, 1982. 274 p.

Содержание книги Ж. Декарро весьма разнообразно. Автор исследует взаимоотношения католичества и православия на всем протяжении их существования,

униатство и его современный облик, историю византийского монашества и многие другие сюжеты. Основная тема книги — многовековое соперничество между гре-

ческой и латинской церквями, «извечное» (с. 19) противостояние Востока и Запада.

Особенности исторического развития двух частей Римской империи обусловили теологические расхождения между Римом и Византией. Противоречия, наметившиеся в ранневизантийскую эпоху, со временем все более и более углублялись. Автор вскрывает главные причины, обусловившие этот процесс.

В начале своего пути Византия, рассуждает Декарро, была слишком молода, чтобы проявить собственную историческую индивидуальность, но само создание новой столицы не могло не противопоставить империю Риму как в политическом, так и в религиозном аспекте (с. 32). Уже тогда в рамках одной религиозной культуры у католичества и ортодоксии были разные системы осмысления мира, литургии и собственный словарь. Так, по убеждению Ж. Декарро, римский универсализм не имел ничего общего с византийским ойкуменизмом, а неадекватное понимание термина «вселенский» усугубляло разногласия между папой и константинопольским патриархом (с. 47).

В социально-психологическом плане византийцев отличало особое внимание ко всем религиозным событиям своего времени. Самые широкие слои населения вовлекались в догматическую полемику, о которой они, по существу, либо вовсе не были осведомлены, либо знали очень мало. Церковные обряды выполнялись формально, без сколько-нибудь серьезного проникновения в их смысл. Таким образом, набожность восточных христиан в изображении Ж. Декарро выглядит более поверхностной, чем у католиков (с. 13). Из других специфических черт православия автор выделяет почитание икон, истоки которого усматривает в римском культе императора (с. 96).

Анализируя роль античного культурного наследия, Декарро подчеркивает значение греческого языка, способствовавшего единению византийской цивилизации и одновременно отдалившего ее от Запада. Росту самостоятельности византийской церкви содействовало, далее, принятие ею апостольской идеи, освятившей создание центра в каждом диоцезе, когда наряду с другими великими митрополиями, учрежденными, по преданию, апостолами, константинопольская митрополия нашла своего основателя в лице св. Андрея.

Один из важнейших этапов конфронтации двух религиозных направлений Ж. Декарро связывает с иконоборческой эпохой, придавая, в частности, особенно большое значение требованию императора Льва III о том, чтобы принять в Риме декрет против икон. Стремление освободиться от византийского влияния и усиление лангобардской опасности толкнули папу на провозглашение Карла Великого императором Запада. Интересно, что именно акт 800 г. автор считает датирующим фактическое разделение Римской империи (с. 64). Отмечая неумолимое

нарастание конфликтной ситуации в христианском мире, Ж. Декарро, проявляющий здесь непоследовательность, характеризует схизму 1054 г. как распрю между «двумя прелатами с дурными манерами» (с. 71).

В трактовке событий, предшествовавших IV крестовому походу, французский ученый недостаточно четко прослеживает трансформацию догматических и обрядовых расхождений в противоречия социально-политического характера, имевшие самые глубокие последствия и для Византии, и для государств Западной Европы. После восстановления Византийской империи в 1261 г. антилатинство становится традиционным элементом византийской идеологии, хотя императоры предпринимали неоднократные попытки примириться с папством.

С падением Константинополя в 1453 г. ортодоксия могла пытаться только за счет внутренних ресурсов. Во времена турецкого ига православное духовенство также боролось за сохранение национальных традиций (с. 235).

Одна из глав книги посвящена монашеству. Автор характеризует все виды аскезы, описывает организацию монастырей, останавливается на развитии монашеской идеологии и ее отношении к светской культуре. По мнению Ж. Декарро, православное монашество раскрывает тайны религиозной психологии восточного христианства. Историк интенсивно препарирует материалы агнографии, ни разу, впрочем, не оговорив специфику этого жанра средневековой литературы (склонность агнографов к гиперболизации и т. п.). Особое место уделено Афону, его истории и современному состоянию.

В работе особо рассмотрен вопрос о миссионерской деятельности византийских просветителей среди славян. Языческие славянские государства стали ареной борьбы за религиозное и политическое влияние между Римом и Константинополем. Принятие в конечном итоге православия сербами, болгарами и русскими явилось большим успехом византийской дипломатии. Заметим, что, обращаясь к русской истории, Ж. Декарро, видимо, оперирует мало знакомым ему материалом. Он называет Киевское государство варяжским (с. 170), путается в русском церковном календаре (с. 182), допускает ошибки в именах (с. 215).

В приложении освещена судьба восточных христиан, находящихся под церковной юрисдикцией Рима. Согласно униатской доктрине, они считаются католиками, но сохраняют свои обычаи и обряды. В настоящее время униаты рассеяны по всему миру и насчитывают около 12 млн человек.

В целом, несмотря на отдельные недочеты, книга Ж. Декарро содержит богатый фактический материал и представляет интерес для широкого круга исследователей.

Н. П. Чеснокова